

**Юридические исследования***Правильная ссылка на статью:*

Николаев А.А. Применимость статуса информационного посредника к операторам цифровых платформ // Юридические исследования. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.11.76834 EDN: KAIEEO URL: [https://nbpublish.com/library\\_read\\_article.php?id=76834](https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76834)

## **Применимость статуса информационного посредника к операторам цифровых платформ**

**Николаев Андрей Алексеевич**

аспирант; кафедра юриспруденции; Московский Финансово-промышленный университет Синергия

125315, Россия, Москва, г. Москва, Ленинградский проспект, 80е

 [and.nikolaev26rus@gmail.com](mailto:and.nikolaev26rus@gmail.com)[Статья из рубрики "Юридический практикум"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.11.76834

**EDN:**

KAIEEO

**Дата направления статьи в редакцию:**

18-11-2025

**Аннотация:** Статья посвящена анализу правового статуса операторов цифровых платформ с позиций института информационного посредничества. Особое внимание уделяется оценке соответствия статуса информационного посредника, закрепленного в ст. 1253.1 ГК РФ, к операторам цифровых платформ, учитывая их многоаспектность и специфику деятельности. Изучаются признаки информационного посредника, регулируемые российским законодательством, в сравнении с зарубежными моделями – американской и европейской. Анализируются особенности применения статуса к операторам маркетплейсов, а также обсуждаются вопросы признания инвестиционных платформ информационными посредниками. Объектом исследования являются общественные правоотношения, возникающие в процессе функционирования цифровых платформ и взаимодействия их пользователей. Предметом исследования является правовое регулирование статуса операторов цифровых платформ с точки зрения института информационного посредничества. В работе использован комплексный правовой анализ – сравнительное изучение отечественного и зарубежного регулирования, а также интерпретация норм российского законодательства в свете

практики Верховного Суда РФ и Арбитражных судов. При этом акцент сделан на выявлении признаков и критериев информационного посредника применительно к операторам цифровых платформ. Новизна исследования заключается в комплексном анализе понятия информационного посредника в контексте динамично развивающейся платформенной экономики России. В работе систематизированы механизмы реализации института информационного посредника применительно к операторам цифровых платформ с учётом последних законодательных изменений, в том числе ФЗ № 289-ФЗ о платформенной экономике. Исследование выявляет и критически оценивает существующие противоречия и пробелы при квалификации цифровых платформ как информационных посредников, особенно в отношении маркетплейсов и инвестиционных платформ, что актуально для дальнейшего развития теории и правоприменения в данной сфере. Статус информационного посредника является важным правовым институтом, обеспечивающим защиту интересов участников гражданских правоотношений в цифровой среде. Однако не все операторы цифровых платформ могут автоматически претендовать на этот статус. Эффективное применение института зависит от соблюдения признаков технической пассивности, нейтральности и оперативного реагирования на нарушения. Применение статуса к инвестиционным и специализированным платформам требует дальнейших исследований и практического осмыслиения. Комплексное изучение законодательной базы и судебной практики способствует сбалансированному регулированию и снижению рисков, способствуя развитию цифровой экономики.

### **Ключевые слова:**

информационный посредник, цифровая платформа, оператор цифровой платформы, платформенная экономика, защита интеллектуальных прав, электронная коммерция, инвестиционная платформа, посредничество, ответственность посредника, пределы ответственности

### **Введение**

За последнее десятилетие платформенная форма организации экономических отношений охватила самые разные отрасли предпринимательской деятельности. В исследовании 2023 года специалисты ВШЭ отмечали использование данного типа в торговле, организации рынка труда, предоставлении финансовых услуг и содействии инвестиционной деятельности, а также в сфере развлечений [\[1\]](#). В другом исследовании 2025 года анализ направлений использования цифровых платформ пользователями показал, что 78% пользователей используют цифровые платформы для общения, 63% — для заказа товаров, а чуть меньше половины — для доступа к развлекательному контенту [\[18\]](#). Масштаб использования цифровых платформ свидетельствует о том, что их операторы должны обладать четко установленным правовым статусом, позволяющим адекватно урегулировать их права, обязанности и ответственность в системе гражданских правоотношений. Расширение сфер применения цифровых платформ приводит к росту числа споров, связанных с нарушением прав третьих лиц при использовании таких платформ. В этих условиях выбор корректной правовой квалификации операторов цифровых платформ (как информационных посредников либо как лиц, самостоятельно использующих объекты интеллектуальной собственности) приобретает ключевое значение для распределения ответственности и обеспечения баланса интересов правообладателей, пользователей и самих операторов. Настоящая статья направлена на выявление границ применимости статуса информационного

посредника к операторам цифровых платформ и оценку последствий неверной квалификации.

В научной доктрине и практической деятельности операторы (владельцы) цифровых платформ часто приравниваются к информационным посредникам. Однако, как справедливо указывает Л. В. Андреева, это употребление термина «посредник» не совпадает с традиционным гражданско-правовым понятием, закрепленным в Гражданском кодексе РФ в разделах, регулирующих договоры поручения, комиссии и агентирования [7, с. 153]. Информационный же посредник выполняет техническую, пассивную функцию и не создаёт обязательств от своего имени. Такое смешение категорий приводит к затруднениям в правоприменении и предопределяет основную проблему, рассматриваемую в настоящей работе.

Целью данной статьи является определение границ применимости статуса информационного посредника к операторам цифровых платформ и выявление последствий неправильной квалификации для распределения ответственности между платформой, пользователями и правообладателями. Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие между оператором цифровой платформы, её пользователями и третьими лицами (правообладателями), при использовании материалов, содержащих объекты интеллектуальной собственности. Предметом исследования является правовое регулирование статуса операторов цифровых платформ через призму института информационного посредничества.

### **Признаки информационного посредника**

Категория информационного посредника была закреплена в российском законодательстве с принятием Федерального закона от 2 июля 2013 года № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телеkomмуникационных сетях». Целью указанного закона являлось создание механизма защиты исключительных прав, адекватного специфике деятельности, предоставляющих услуги по передаче, размещению и доступу к информации в сети Интернет, обладающих технической возможностью, но зачастую не располагающих экономическими и организационными ресурсами для тотальной системы контроля за материалами. Д. В. Лоренц, анализируя существующие модели ответственности информационных посредников отмечает, что российский законодатель основывался в основном на американской модели, закрепленной в разделе 512 закона США об авторском праве в цифровую эпоху 1998 г. (Digital Millennium Copyright Act, DMCA) [13, с. 6], хотя ранее в судебной практике складывался механизм, свойственный европейскому регулированию.

Европейская модель регулирования, закрепленная в Директиве 2000/31/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О некоторых правовых аспектах информационных услуг на внутреннем рынке, в частности, об электронной коммерции» (далее - «**Директива**») и расширенная в Регламенте (ЕС) 2022/2065 Европейского парламента и Совета от 19 октября 2022 года о едином рынке цифровых услуг и внесении изменений в Директиву 2000/31/ЕС (Закон о цифровых услугах), а также в Директиве Европейского парламента и Совета Европейского союза 2019/790 от 17 апреля 2019 г. «Об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке и о внесении изменений в Директивы 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС» во многом является схожей с американской концепцией «безопасной гавани» (safe harbour) и строится на положениях о вторичной ответственности (secondary liability), которая позволяет установить границы возможного предъявления санкций к провайдерам за нарушения интернет-

пользователей или иных лиц [16]. Однако она имеет несколько существенных отличий. Европейский подход ориентирован на непосредственное закрепление определенных юридических требований, в случае невыполнения которых возникает основание для применения мер ответственности. Кроме того, статус информационного посредника в ЕС применяется не только к отношениям, связанным с оборот объектов интеллектуальной собственности, но и к отношениям, связанным с распространением запрещенной информации.

В ст. 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – «ГК РФ») не сформулировано определение категории информационный посредник. Вместо этого идет перечисление видов данной категории и условий, при которых такой субъект освобождается от ответственности, что соответствует американскому и европейскому подходам, описанным ранее в статье. Согласно ст. 1253.1 ГК РФ, статус информационного посредника может быть применён к следующим категориям субъектов:

1. лица, осуществляющие передачу материала в интернете;
2. лица, предоставляющие возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием интернета;
3. лица, предоставляющие возможность доступа к материалу или информации в интернете.

При этом различные субъекты при анализе их деятельности могут сочетать в себе элементы сразу нескольких видов информационных посредников. Например, видеохостинги, такие как Youtube или Rutube предоставляют пользователям возможность и для размещения материала, и предоставляют доступ к такому материалу неограниченному кругу лиц. На практике как отмечает Н. В. Иванов суды при рассмотрении дел по искам правообладателей к информационным посредникам зачастую не устанавливают, к какому виду относится посредник, к которому предъявлен иск, а условия ответственности для разных категорий смешиваются и применяются в целом [3]. Учитывая, что некоторые условия, предусмотренные для различных видов информационных посредников могут быть по сути одинаковыми по своему содержанию (например, что лицо не знало и не должно было знать о неправомерности использования соответствующих результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации), а также учитывая тот факт, что различные субъекты могут объединять в себе несколько видов информационных посредников, то данный подход судов выглядит обоснованным.

Д. В. Лоренц на основе положений ст. 1253.1 ГК РФ и сложившейся судебной практики, в частности Постановления Пленума Верховного Суд РФ от 23.04.2019 №10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – «ПП ВС №10»), выделяет следующие признаки информационного посредника [13, с. 23]:

- технический характер услуги провайдера (обеспечивают гражданский оборот в сети, т.е. создают условия для передачи, хранения и доступа к материалу и информации);
- нейтральность и пассивность услуги по отношению к контенту (не используют и не изменяют материал и информацию). О непосредственном использовании могут свидетельствовать условия использования услуг сайта, согласно которым владелец сайта получает права на передачу, хранение материала, его копирование, изменение, распространение, исполнение, демонстрацию, переформатирование, извлечение

выдержек и т.д. Границы данного признака были расширены в п. 78 ПП ВС №10, а именно указанием суда на необходимость учета активной роли лица при формировании размещаемого материала и существенности его переработки;

- возможность активно принимать меры для устранения нарушений в сети (имеют технологическую способность препятствовать правонарушениям со стороны третьих лиц или пресекать их посредством удаления нелегального контента и (или) прекращения доступа к нему либо к сети).

На основе данных признаков можно сформулировать следующее определение информационного посредника — это лицо, осуществляющее пассивную деятельность технического характера, которая обеспечивает оборот материалов в информационно-телекоммуникационных сетях путем их передачи, размещения или предоставления доступа, без изменения содержания таких материалов, а также обладающее технической возможностью принимать меры по пресечению правонарушений, связанных с осуществлением такой деятельности путем удаления материалов или прекращения доступа к ним.

При этом критические замечания получил выведенный в судебной практике признак информационного посредника, а именно отсутствие финансовой выгоды от осуществления деятельности, связанной с объектом нарушения [\[17\]](#). В частности указывали на беспредметность данного признака, так как интернет-ресурс может получать вознаграждение за разные действия, следовательно представляет сложность ограничение дохода лица от деятельности, связанной с использованием объекта нарушения, от деятельности не связанной с его использованием.

Данный признак подробно отражен в п. 18-19 Обзора судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденный Президиумом Верховного суда РФ от 29 мая 2024 года (далее - **«Обзор»**). В Обзоре прямо указано, что информационным посредником не являются лица, которые не только предоставляют возможность размещения третьим лицам информации об экземплярах и носителях охраняемых произведений, но и самостоятельно совершающие сделки по их продаже, либо получающие доход от их рекламы и (или) непосредственно от неправомерного использования результатов интеллектуальной деятельности.

Представляется, что отдельно выделять наличие финансовой выгоды в качестве самостоятельного признака информационного посредника является излишним. Более логичным будет учет данного критерия для установления признака нейтральности и пассивности при квалификации деятельности лица, как информационного посредника.

Условие о возможности лица своими действиями активно принимать меры по устранению нарушения также находится в процессе осмыслиения тех пределов и мер, которые являются достаточными для признания таких мер своевременными и достаточными. Вопросы обычно связаны с тем насколько активную роль должен играть информационный посредник для устранения нарушения интеллектуальных прав правообладателей. С данным признаком достаточно близко связано то, что информационный посредник несет ответственность за нарушение только при наличии вины. Это является исключением для субъектов осуществляющих предпринимательскую деятельность, которые по общему правилу п. 3 ст. 1250 ГК РФ несут ответственность независимо от вины нарушителя.

В п. 2 ПП ВС №10 указано, что к отношениям, связанным с возникновением, переходом

и предоставлением, прекращением, осуществлением, защитой прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, подлежат применению положения частей первой, второй, третьей ГК РФ, если иное прямо не предусмотрено частью четвертой ГК РФ и если их применение не противоречит существу отношений, урегулированных данной частью ГК РФ. Следовательно, при рассмотрении вопросов, связанных с применением норм об информационных посредниках могут применяться положениями других частей ГК РФ, при условии, что часть четвертая прямо не исключает применение данных норм и отсутствует противоречие с сущностью отношений, вытекающих из института информационного посредничества.

Не подвергается сомнению, что внедоговорное использование объекта интеллектуальных прав, например, размещение пользователем на своей странице в социальной сети пиратской копии кинофильма, является деликтом. Следовательно, к данным отношениям будут применяться нормы ГК РФ о деликтных обязательствах. В силу п.2 ст. 307.1 ГК РФ к обязательствам вследствие причинения вреда применяются общие положения об обязательствах, если иное не предусмотрено соответственно правилами главы 59 ГК РФ или не вытекает из существа соответствующих отношений. Таким образом, при определении вины правонарушителя возможно и нужно руководствоваться положениями ст. 401 ГК РФ. Из данной статьи можно вывести легальное определение вины, а именно непроявление лицом при исполнении обязательства той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и по условиям оборота [\[5, С. 1261\]](#).

Ответ на вопрос о наличии возможности у информационного посредника принимать меры для предотвращения нарушения исключительных прав, а также каким образом данный механизм реализуется по своей сути имеет общие черты с доказыванием лицом, нарушившим обязательство проявления должностной заботливости и осмотрительности при решении вопроса о наличии в его действиях вины. Следовательно, действия лица, которое не знало или не должно было знать о нарушении исключительного права, а также своевременно принявшее все необходимые меры для прекращения нарушения можно считать проявившим должностную заботливость и осмотрительность, а следовательно невиновным в совершенном нарушении.

Однако, как в случае вины за нарушение обязательства, так и в при определении статуса информационного посредника в судебной практике продолжает формироваться свой стандарт добросовестности при осуществлении деятельности. Например, в Постановлении суда по интеллектуальным правам от 06.10.2021 года по делу № А60-45399/2020 суд поддержал позицию нижестоящих судов, отказывая в признании сервиса по продаже билетов на концерты в качестве информационного посредника, поскольку лицо являясь профессиональным участником гражданского оборота должен был осуществить проверку загружаемых им изображений и информации на предмет соблюдения исключительных прав. Указанный кейс при этом вступает в противоречие с судебной практикой в отношении маркетплейсов (например, Постановление Суда по интеллектуальным правам от 12.04.2022 по делу № А41-73925/2020), где проводилась однозначная позиция, что за информационным посредником не закреплена обязанность по предварительной проверке (модерированию) размещаемой информации.

Таким образом, стандарт заботливости информационного посредника и содержание условий его освобождения от ответственности еще находятся в стадии формирования, а судебная практика демонстрирует разнонаправленные подходы к объему ожидаемых от

него превентивных действий. В этих условиях представляется необходимым дифференцировано подходить к оценке поведения лица, учитывая характер его участия в обороте и степень профессионализма, например, устанавливая более строгие стандарты для профессиональных участников оборота.

### **Понятие и признаки цифровой платформы**

Понятие «цифровая платформа» является многоаспектным и формируется на стыке технических, экономических, социологических и юридических наук, что обуславливает множественность подходов к его определению. В литературе под цифровой платформой, в частности, понимается: [\[2, с. 5-6\]](#):

1. Информационная система, предназначенная для обеспечения коммуникацию и обмен данными между заинтересованными лицами в различных сферах общественных отношений;
2. Аппаратная (операционная) среда, представленная совокупностью программного обеспечения и совместимых с ней устройств, предназначенные для обработки, хранения и передачи информации;
3. Инструмент, позволяющий пользователям находить друг друга для обмена различными благами;
4. Форма организации рыночных, управлеченческих и иных отношений, основанная на взаимодействии участников в цифровой среде.

В юридической доктрине на основе этих подходов формируются специальные правовые дефиниции цифровых платформ. А. Н. Варламова, анализируя их с точки зрения конкурентного права, выделяет четыре подхода к пониманию цифровых платформ [\[9\]](#):

1. Цифровая платформа, как информационный продукт. Такое определение встречается в работе А. В. Алтухова и С. Ю. Кашкина [\[6\]](#);
2. Цифровая платформа, как бизнес-модель, основанная на организации многостороннего рынка и монетизации взаимодействий между его участниками. Такой подход приводится в работе С. Ю. Филипповой и Ю. С. Харитоновой [\[15\]](#);
3. Цифровая платформа, как технологический комплекс. Данный подход отражен в работах А. А. Карцхии [\[11\]](#), О. В. Жевняк [\[10\]](#);
4. Цифровая платформа, как инфраструктура для организации взаимодействия участников рынка. Последний подход представляется наиболее комплексным, поскольку он описывает не только технологическую природу платформы, но и роли её участников, включая операторов, пользователей и контрагентов.

В отечественном законодательстве понятие «цифровая платформа» закреплено фрагментарно и развивается поэтапно. На уровне федерального закона понятие «цифровая платформа» впервые появилось в Федеральном законе от 10.07.2023 № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» для целей регулирования, связанного с предупреждением и пресечением злоупотребления доминирующим положением, где под цифровой платформой законодатель предложил считать программу (совокупность программ) для ЭВМ в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», обеспечивающей совершение сделок между продавцами и покупателями определенных товаров. Подход,

использованный в данном определении является узким, поскольку делает акцент на возможности заключение сделок между субъектами.

Федеральный закон от 31.07.2025 №289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» (далее - **«Закон о платформенной экономике»**) определяет правовые основы платформенной экономики в Российской Федерации. Согласно п. 2 ст. 2 под цифровой платформой, под понимается информационная система, и (или) сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», и (или) программы для электронных вычислительных машин, обеспечивающие технические, организационные, информационные и иные возможности для взаимодействия неограниченного круга лиц, в том числе в целях обмена информацией и ее распространения, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг. Проводя сравнение с доктринальными определениями нельзя не отметить, что законодателем были восприняты наиболее очевидные формальные черты, выработанные в науке, в частности: наличие технологической основы и ее функциональная роль в организации взаимодействия субъектов платформенных отношений. В этом определении, напротив, был использован широкий подход, который не ограничивает функционал цифровой платформы исключительно совершением на ней сделок.

Кроме того, в законе выделены конкретные виды цифровых платформ, например, «посредническая цифровая платформа», а также виды платформ, на которые не распространяется действие данного закона. Например, на инвестиционные платформы, аудиовизуальные сервисы, платформы электронных закупок, поскольку для них уже существует специальное правовое регулирование. Также в ч. 3 ст. 1 из под действия закона были исключены отношения, связанные с предоставлением лицензий на использование программ для ЭВМ и базы данных. Такое исключение может быть связано со спецификой деятельности по обороту прав на данные объекты гражданского оборота. Тем не менее, выделение данных исключений позволяет прийти к выводу, что законодатель потенциально рассматривает все вышеперечисленные категории, как виды цифровых платформ с чем в целом можно согласиться, так как они содержат элементы, которые присущи всем цифровым платформам.

С учётом анализа доктринальных и нормативных подходов представляется возможным выделить следующие сущностные признаки цифровой платформы:

- наличие устойчивой технологической инфраструктуры (информационной системы, программного обеспечения, технических средств), обеспечивающей функционирование платформы в цифровой среде;
- обеспечение организованного взаимодействия потенциально неограниченного круга пользователей (физических и юридических лиц), включая обмен информацией, заключение и исполнение сделок, совершение юридически значимых действий;
- многосторонний характер платформенных отношений, предполагающий участие не менее двух групп пользователей (например, поставщиков и потребителей контента, товаров или услуг) и наличие оператора, координирующего это взаимодействие;
- опосредованный характер участия оператора, который, как правило, не является контрагентом по каждой отдельной сделке, но формирует правила функционирования платформы, отвечает за её техническую доступность и соблюдение установленных требований.

**Характеристика оператора цифровой платформы как информационного**

## **посредника**

В юридической науке и практике признается, что цифровая платформа как совокупность программ для ЭВМ и инфраструктуры является объектом правоотношений, тогда как субъектом выступает владелец и (или) оператор платформы, обладающий правами и обязанностями в отношении организации взаимодействия пользователей. Такая дифференциация особо важна для квалификации информационного посредника, поскольку статус информационного посредника относится к субъекту правоотношений, а не к технологической платформе как таковой. В рамках настоящей статьи под цифровой платформой понимается именно лицо, которое вправе обеспечивать организацию взаимодействия её пользователей, определять цели и правила использования платформы. Таким лицом является владелец цифровой платформы и (или) её оператор.

Это различие имеет принципиальное значение для квалификации оператора в качестве информационного посредника. Нередко происходит отождествление деятельности оператора с самой платформой, полагая, что если платформа техническая по природе, то ее оператор автоматически квалифицируется как информационный посредник. Однако такой подход является ошибочным, поскольку оператор может выполнять функции, выходящие за пределы информационного посредничества (например, от своего лица совершать сделки на цифровой платформе), чем исключается применение к нему соответствующего режима ответственности.

Поскольку главной функцией цифровых платформ является создание среды для взаимодействия между двумя и более участниками платформы для достижения каждой из них своих целей, то в сознании часто происходит смешение «посредничества» и статуса «информационного посредника». Такое смешение объяснимо, во-первых, отсутствием легального понятия «посредничества» как деятельности, во-вторых, внешним сходством, а иногда полным тождеством деятельности цифровых платформ с информационным посредничеством.

Л. В. Андреева отмечает, что исторически термин «посредник» в науке понимался достаточно однозначно и основывался на правилах ГК РФ о посреднических договорах [8, с. 3-4]. Данные договорные конструкции преимущественно используются для организации торгового оборота, поэтому зачастую, говоря о посредничестве имеется ввиду торговое посредничество. С.В. Николюкин определяет его как: «...Правовой институт, регулирующий отношения в сфере оказания торговых услуг, направленный на содействие в установлении правовых связей между клиентами путем совершения посредником правомерных действий юридического и фактического характера [4].»

Использования термина «посредник» применительно к положениям ст. 1253.1 ГК РФ скорее всего является переложением европейской терминологии раздела 4 «Ответственность посредников» (Liability of intermediary service providers) Директивы. Внешнее сходство, тем не менее, оснований утверждать о тождестве данных категорий, поскольку информационный посредник — это статус, ограничивающий ответственность лица за нарушение интеллектуальных прав и не характеризует саму деятельность посредника, направленную на установление правовых связей между сторонами посреднического договора (поручения, комиссии, агентского). Поддерживая вывод Л. В. Андреевой о различной правовой природе коммерческого и информационного посредничества, следует дополнительно отметить, что смешение этих категорий в отношении цифровых платформ ведет к подмене договорной конструкции (поручение, комиссия, агентирование) специальным деликтным режимом ответственности, что не всегда отвечает экономической сущности отношений между платформой и ее

участниками.

Следовательно, характеризуя правовое положение того или иного вида цифровой платформы не презюмируется наличие у нее статуса информационного посредника и следует обращать внимание на признаки, сформулированные в ст. 1253.1 ГК РФ и раскрытие в решениях судов. Наиболее обширная практика за последние годы была сформирована в отношении маркетплейсов, которые являются очевидным примером посреднической цифровой платформы.

Таким образом, необходимо чётко разграничивать посредничество в смысле гл. 49, 51, 52 ГК РФ, предполагающее представительство и активное участие в заключении сделок и информационное посредничество, как специальный статус лица, освобождающий от ответственности за нарушение интеллектуальных прав и применяемый к лицам, предоставляющим пассивные технические услуги. Подмена этих категорий создаёт угрозу неправильного применения норм об ответственности и нарушает баланс интересов платформы, пользователей и правообладателей.

В своей деятельности данные субъекты стараются максимально использовать статус информационного посредника с целью дистанцироваться от претензий со стороны правообладателей, что отражается в текстах соглашений таких платформ. Например, владелец платформы Ozon Travel в п. 9.4 - 9.5 «Условий Предоставления права использования Платформы в целях бронирования авиабилетов для физических лиц» устанавливает ограничение ответственности группы компаний Ozon за загрузку материалов пользователями на данной платформе, а также гарантию, что такие пользователи обладают всеми правами и разрешениями для публикации таких материалов [\[19\]](#).

Некоторые суды учитывают подобные положения в соглашениях между платформой и пользователем-предпринимателем при принятии решения об освобождении от ответственности лица от ответственности по ст. 1253.1 ГК РФ. Например, в Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.11.2021 № 09АП-62570/2021 по делу № А40-26921/202 суд указал, что так продавцы товара гарантируют платформе, отсутствие прав третьих лиц на товар, размещая заказ на ресурсах платформы. Тем не менее, стоит отметить, что такое положение не может однозначно свидетельствовать о соблюдении лицом условий для освобождения от ответственности, как информационного посредника. На это прямо указано в п. 19 Обзора, что само по себе установление в пользовательском соглашении владельцем сайта положений, обязывающих пользователей соблюдать авторские и смежные права при размещении материала на сайте, как единственного и достаточного критерия для признания ответчика информационным посредником и, соответственно, для освобождения от ответственности за допущенное нарушение, является недостаточным.

В Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 23.05.2023 № 09АП-22365/2023 по делу № А40-194338/2022 суд указал на учет им следующих признаков:

- не являлось лицом, вводящим спорную продукцию в гражданский оборот;
- оказывало продавцу товара услуги площадки - маркетплейса, является информационным посредником;
- не знало и не должно было знать, что товары продавцов могут нарушать права третьих лиц;

- приняло необходимые и достаточные меры по устранению нарушения после получения информации о ссылке на товар.

Следует критически отнестись ко второму аргументу суда, поскольку по своей сути он отождествил деятельность маркетплейса с деятельностью информационного посредника, что как было отмечено в данной статье и в работах других исследователей является ошибкой [12]. Но не смотря на этот недочет данные обстоятельства согласуются с признаками информационного посредника.

Другим интересным вопросом является применение статуса информационного посредника к инвестиционным платформам. Согласно, п. 1 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 02.08.2019 № 263-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» под инвестиционной платформой понимается информационная система в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет, используемая для заключения с помощью информационных технологий и технических средств этой информационной системы договоров инвестирования, доступ к которой предоставляется оператором инвестиционной платформы. Данное определение соответствует доктринальным признакам цифровой платформы, которые были отмечены ранее. Какой-либо заметной судебной практики в части признания операторов цифровых платформ информационными посредниками не сложилось, поэтому дальнейшие размышления возможно только на теоретическом уровне.

Однозначную позицию по данному вопросу высказывает С. П. Саяпин, который указывает на отсутствие нейтральности в статусе оператора инвестиционной платформы по отношению к информации, а также на способность влиять на ее содержание [14]. Однако стоит относится к позиции автора критически в части способности оператора влиять на содержание предоставляемой ему информации, как однозначный критерий для ее непризнания в качестве информационного посредника. Например, в Постановлении Десятого арбитражного апелляционного суда от 22 ноября 2022 г. по делу № А41-88214/2021 указано, что наличие возможности для проверки или мониторинга материалов третьих лиц не имеет правового значения, поскольку действующее законодательство не предусматривает возможность возложения на информационного посредника такой обязанности.

Соглашаясь с С. П. Саяпиным в части необходимости учитывать степень влияния оператора инвестиционной платформы на содержание информации, представляется преждевременным использовать этот критерий как универсальный барьер для признания такого оператора информационным посредником. В условиях отсутствия сложившейся судебной практики более оправданным видится дифференцированный подход, основанный на совокупности признаков, закрепленных в ст. 1253.1 ГК РФ, а не на одном лишь критерии нейтральности.

## **Заключение**

Анализ судебной практики и законодательных положений позволяет сделать следующие ключевые выводы:

1. Существует тенденция к смешению понятий «посредничество» и «информационное посредничество». Особенно ярко это проявляется при анализе деятельности маркетплейсов. Данная позиция логически ошибочна, оператор может одновременно выполнять функции посредника и предоставлять техническую инфраструктуру, что

исключает его квалификацию в качестве информационного посредника в отношении контента третьих лиц. Квалификация должна проводиться функционально, в зависимости от конкретного вида деятельности оператора и характера его участия в обороте.

2. Судебная практика местами противоречива в части осуществления предварительного контроля (модерации) контента и проявления достаточных мер для устранения нарушения. Представляется обоснованным установление дифференцированных стандартов добросовестности в зависимости от: (а) профессионализма оператора, (б) уровня его участия в отборе материалов, (в) технологических возможностей платформы. Для профессиональных участников оборота стандарт должен быть выше.

3. Корректная квалификация оператора цифровой платформы имеет решающее значение для распределения ответственности. Неправильная квалификация приводит либо к чрезмерной защите платформ (когда они используют статус посредника как "щит" от всей ответственности), либо к невыполнимым требованиям (когда от технических провайдеров ожидают невозможного контроля).

Статус информационного посредника — не универсальная "броня" для всех операторов цифровых платформ, а специальный режим, применяемый только при соблюдении совокупности признаков. Правоприменителям необходимо отказаться от презумпции, что "техническая платформа" = "информационный посредник", и переходить к индивидуальной оценке каждого случая на основе ст. 1253.1 ГК РФ и сложившейся судебной практики. Это позволит обеспечить справедливое распределение рисков и ответственности в платформенной экономике.

## **Библиография**

1. Абдрахманова Г. И., Гохберг Л. М., Демьянова А. В. и др. Платформенная экономика в России: потенциал развития. – Москва: Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, 2023. – 90 с. – Режим доступа:  
[https://www.researchgate.net/publication/371170463\\_Platformennaya\\_ekonomika\\_v\\_Rossii\\_potencial\\_razvitiya](https://www.researchgate.net/publication/371170463_Platformennaya_ekonomika_v_Rossii_potencial_razvitiya) (дата обращения: 20.11.2025).
2. Волков Н. С., Емельянов А. С., Ефремов А. А. и др.; отв. ред. Терещенко Л. К. Цифровые платформы – организационно-правовая форма взаимодействия в обществе: монография. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Инфотропик Медиа, 2025. – 244 с.
3. Иванов Н. В. Ответственность за нарушение исключительных прав: монография. – Москва: Проспект, 2025. – 360 с. EDN: EGVYRT.
4. Николюкин С. В. Посреднические договоры. – Москва: Юстицинформ, 2010. – 224 с. EDN: QRMXZL.
5. Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330-333, 380-381, 382-406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. – Москва: М-Логос, 2022. – 1582 с. – (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса).
6. Алтухов А. В., Кашкин С. Ю. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 7. – С. 86-94. – DOI: 10.17803/1994-1471.2021.128.7.086-094. EDN: KUNBTV.
7. Андреева Л. В. Трансформация правового понятия посредника при применении цифровых технологий в торговом обороте // Право и цифровая экономика. – 2024. – № 2. – DOI: 10.17803/2618-8198.2024.24.2.005-012. EDN: IXATMN.
8. Андреева Л. В. Согласование интересов участников товарных цифровых платформ (маркетплейсов): правовые проблемы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. –

2024. – № 8 (120).
9. Варламова А. Н. Категории "цифровая платформа" и "цифровой товарный рынок" для целей конкурентного права // Конкурентное право. – 2025. – № 4. – С. 6-12. DOI: 10.18572/2225-8302-2025-4-6-12. EDN: OJIUIX.
10. Жевняк О. В. Цифровая платформа как технико-технологический феномен и его правовое значение // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2024. – № 4. – DOI: 10.17072/1995-4190-2024-66-541-561. EDN: NFSNGI.
11. Карцхия А. А. Цифровые корпорации в новом качестве управления // Гражданское право. – 2020. – № 4. – С. 22-26. DOI: 10.18572/2070-2140-2020-4-22-26. EDN: GCRZKU.
12. Лепешин Д. А., Петкилев П. И. Ответственность маркетплейса-информационного посредника // Цивилист. – 2025. – № 4. – С. 14-20. EDN: ZXHUTW.
13. Лоренц Д. В. Информационные посредники (провайдеры) в России и зарубежных странах: природа, сущность и типология // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 5. EDN: OFVNYI.
14. Саяпин С. П. О возможности квалификации оператора цифровой инвестиционной платформы в качестве информационного посредника // Правовая политика и правовая жизнь. – 2024. – № 2. – DOI: 10.24412/1608-8794-2024-2-292-299. EDN: PRVNHQ.
15. Филиппова С. Ю., Харитонова Ю. С. Цифровые платформы в праве и право цифровых платформ: новые вызовы законодателю и пути их решения // Правоведение. – 2025. – Т. 69, № 1. – С. 58-75. – <https://doi.org/10.21638/spbu25.2025.104>. EDN: MUSVZT.
16. Фомина О. Н. Правовая природа ответственности информационного посредника // Гражданское право. – 2022. – № 2. – DOI: 10.18572/2070-2140-2022-2-33-36. EDN: PDJAXG.
17. Протокол № 10 заседания рабочей группы Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 22 апреля 2015 г. [Электронный ресурс] // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2015. – № 9. – С. 11-20. – Режим доступа: <https://ipcmagazine.ru/court/1729477/> (дата обращения: 20.11.2025).
18. Как цифровые платформы меняют экономику // РБК. – 2025. – 20 ноября. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/industries/news/68407d3c9a7947268f72e7f6> (дата обращения: 20.11.2025).
19. Ozon. Условия бронирования авиабилетов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.ozon.ru/common/pravila-prodayoi-i-rekvizity/ozon-travel/conditions-booking-air-tickets/-country=RU> (дата обращения: 20.11.2025).

## **Результаты процедуры рецензирования статьи**

Рецензия выполнена специалистами Национального Института Научного Рецензирования по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

**Предмет исследования.** В рецензируемой статье «Применимость статуса информационного посредника к операторам цифровых платформ» предметом исследования являются нормы права, закрепляющие статус операторов цифровых платформ. Особое внимание автор обращает на возможность применения к операторам цифровых платформ положений правового института информационных посредников. В качестве замечания хотелось указать на некорректность формулировки «объектом исследования являются общественные отношения, возникающие между пользователями цифровых платформ». Если автор в качестве предмета исследования определяет «правовое регулирование статуса операторов цифровых платформ с точки зрения

института информационного посредничества», то непонятно почему объектом исследования являются «общественные отношения, возникающие между пользователями цифровых платформ»?

**Методология исследования.** Данное исследование предполагает применение современных методов, таких как: сравнительного правоведения, теоретико-юридический, формально-логический и др.

**Актуальность исследования.** Тема статьи представляется весьма актуальной. В настоящее время цифровое право только формируется, что обосновывает необходимость доктринальных разработок по различным проблемам правового регулирования цифровых отношений. Можно согласиться с автором, что «масштаб использования цифровых платформ свидетельствует о том, что их операторы должны обладать четко установленным правовым статусом, позволяющим адекватно урегулировать их права, обязанности и ответственность в системе гражданских правоотношений».

**Научная новизна.** Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в самой статье не сформулированы положения, которые бы указывали на новизну и важность этого исследования для юридической науки и его практическую значимость. Большая часть статьи носит описательный характер и обращения к чужим воззрениям. Автор весьма слабо обосновывает собственную позицию по заявленной им тематике. На взгляд рецензента, тема не раскрыта. Материал не имеет элементов научной новизны. Автору следует обозначить свою позицию по заявленной проблеме и показать, в чем заключается именно его вклад в юридическую науку.

**Стиль, структура, содержание.** На взгляд рецензента, тема не раскрыта, по заявленной автором проблеме никаких новых решений не предложено. Вместе с тем нельзя не признать, при написании статьи использован научный стиль с применением специальной терминологии, в том числе, и юридической. Автором предпринята попытка структурировать статью. В содержании статьи формально присутствуют разделы (введение, основная часть и заключение). Можно отметить, что во введении недостаточно полно обоснована актуальность темы статьи. В основной части статьи автор приводит мнения других специалистов, но при этом не всегда аргументирует собственную позицию. В заключительной части статьи кратко представлены выводы, совершенно не отличающиеся научной новизной, которые нельзя считать результатами исследования: автор констатирует уже известные доктрине положения. Содержание статьи нуждается в существенной доработке. В качестве замечаний технического характера можно отметить, что в тексте встречаются множественные грамматические ошибки (в т.ч. пунктуационные «Характеристика оператора цифровой платформы, в качестве информационного посредника»), бесчисленные опечатки (например, «в части посредника, соблюдении, комисси, применительно, «посредничества», данных, платформы, воспринмаются, в частности, критерией, соответствует» и т.д. ), несогласованность падежей в предложениях (например, «где под цифровой платформой законодатель предложил считать программа»), кроме того, нет единобразия в написании буквы «ё» в словах (в одних словах ««закреплённый», в других - «учет» и т.д.).

**Библиография.** Автором использовано достаточное количество доктринальных источников, в т.ч. и публикаций последних лет. В списке библиографии указан автор публикации «Трансформация правового понятия посредника при применении цифровых технологий в торговом обороте» Андреев Л.В., в действительности данная статья принадлежит Андреевой Л.В.

**Апелляция к оппонентам.** По отдельным спорным вопросам заявленной тематики есть

обращения к оппонентам. Однако по спорным вопросам не выражена собственная точка зрения.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «Применимость статуса информационного посредника к операторам цифровых платформ» не может быть рекомендована к опубликованию, поскольку нуждается в доработке. Тема является актуальной, но статья не отличается научной новизной и не имеет практической значимости. Статья по этой теме могла бы представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области гражданского права, предпринимательского права, информационного права, цифрового права, а также, могла бы быть полезна для обучающихся и преподавателей юридических вузов и факультетов.

## **Результаты процедуры повторного рецензирования статьи**

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

**Предмет исследования.** В рецензируемой статье «Применимость статуса информационного посредника к операторам цифровых платформ» предметом исследования являются нормы права, закрепляющие статус операторов цифровых платформ. Особое внимание автор обращает на возможность применения к операторам цифровых платформ положений правового института информационных посредников.

**Методология исследования.** Данное исследование предполагает применение современных методов, таких как: сравнительного правоведения, теоретико-юридический, формально-логический и др.

**Актуальность исследования.** Тема статьи представляется весьма актуальной. В настоящее время цифровое право только формируется, что обосновывает необходимость доктринальных разработок по различным проблемам правового регулирования цифровых отношений. Можно согласиться с автором, что «масштаб использования цифровых платформ свидетельствует о том, что их операторы должны обладать четко установленным правовым статусом, позволяющим адекватно урегулировать их права, обязанности и ответственность в системе гражданских правоотношений».

**Научная новизна.** Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что и в этой статье сформулированы положения, которые указывают на новизну и важность этого исследования для юридической науки и его практическую значимость, например: "Статус информационного посредника — не универсальная "броня" для всех операторов цифровых платформ, а специальный режим, применяемый только при соблюдении совокупности признаков. Правоприменителям необходимо отказаться от презумпции, что "техническая платформа" = "информационный посредник", и переходить к индивидуальной оценке каждого случая на основе ст. 1253.1 ГК РФ и сложившейся судебной практики. Это позволит обеспечить справедливое распределение рисков и ответственности в платформенной экономике". В работе содержатся и другие положения, которые можно расценивать как вклад в юридическую науку.

*Стиль, структура, содержание.* Тема раскрыта, название статьи соответствует ее содержанию. Соблюдены требования к объему материала. Нельзя не признать, что при написании статьи использован научный стиль с применением специальной терминологии, в том числе, и юридической. Материал изложен последовательно и ясно. Автором предпринята попытка структурировать статью. В содержании статьи присутствуют разделы (введение, основная часть и заключение), которые отвечают установленным требованиям. Во введении обоснована актуальность исследования. В основной части статьи автор не только показал знания работ других ученых, но и сформулировал собственную аргументированную позицию по заявленной проблематике. В заключении представлены итоги исследования. Замечаний по содержанию нет.

*Библиография.* Автором использовано достаточное количество доктринальных источников, в т.ч. и публикаций последних лет.

*Апелляция к оппонентам.* По спорным вопросам заявленной тематики есть обращения к оппонентам. Все обращения к оппонентам корректные.

*Выводы, интерес читательской аудитории.* Статья «Применимость статуса информационного посредника к операторам цифровых платформ» может быть рекомендована к опубликованию. Тема является актуальной, статья отличается научной новизной и имеет практическую значимость. Статья по этой теме могла бы представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области гражданского права, предпринимательского права, информационного права, цифрового права, а также, могла бы быть полезна для обучающихся и преподавателей юридических вузов и факультетов.